

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ЧАСТИ РЕЧИ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВОКЛАССИФИЦИРУЮЩАЯ ИЛИ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ?

© 2009 г. С. М. Михина

Насколько категориальные признаки слова определяются его основой и в какой степени они зависят от словоизменительной морфологии? В настоящей статье эта проблема исследуется на материале адыгейского языка, который относится к языкам со слабо выраженным противопоставлением основных лексических классов (имен и глаголов). Для ответа на данный вопрос проводится анализ конструкций определенного типа, где глагольная морфология присоединяется к именной основе.

Is the syntactic category of a word determined mainly by its stem or endings? In this paper the question is explored in reference to Adyghe (North-West Caucasian), a language that lacks category distinction, or predicate-argument flexibility. To consider the problem, I analyze a particular construction type in which a nominal stem can be used with the verbal inflectional morphology.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Известно, что в некоторых языках части речи выражаются не совсем привычным для средневропейского языкового сознания образом. Например, и глагол, и существительное могут выполнять функции как аргумента, так и предиката, без дополнительных деривационных маркеров. Исследованию этого явления, обычно именуемого в англоязычной литературе как “lack of category distinction” (ослабленное противопоставление основных лексических категорий) или “predicate-argument flexibility” (предикатно-аргументная гибкость), посвящен обширный пласт типологических исследований, таких, как [1–7] и др. Проблема описания и объяснения такого рода конструкций представляется значимой как для типологии, так и для теории частей речи.

В типологических работах наиболее общераспространенная концепция частей речи принимает как одно из основных положений идею о прототипических функциях лексических классов: говоря упрощенно, имя – это прототипический аргумент, в то время как глагол – прототипический предикат (подробнее см. [4], [5], [6], [8] и др.). Согласно этому подходу, выполнение непрототипических функций (т.е. для глагола – аргументных, а для имени – предикативных) должно быть маркировано при помощи специальных морфологических или синтаксических средств, например, показателей номинализации. Естественно, что языки, где такое маркирование не является обязательным, представляют для теории особый интерес. Среди них чаще всего упоминаются австронезийские языки, языки индейцев Северной Америки (вакашские, салишские, ирокезские),

языки семьи мунда, а также адыгейская ветвь западно-кавказской семьи.

В частности, так устроен и адыгейский язык, что неоднократно отмечалось исследователями: “В адыгейском языке имеется целый ряд недифференцированных основ, которые обладают отдельными свойствами и глагола, и имени существительного...” [9, с. 331]; см. также [10, с. 81] и [11, р. 70–71]. В настоящей работе исследуемое явление рассматривается на материале абадзехского диалекта адыгейского языка. Рассмотрим пример (1):

- (1) a. $\check{c}ale-r$ $qe-k_{we}-\check{s}'t$
парень-ABS DIR-приходить-FUT
Парень придет.
b. $qe-k_{we}-\check{s}'t\alpha-r$ $\check{c}ale$
DIR-приходить-FUT-ABS парень
Тот, кто придет, парень.

В примере (1a) предикат выражен глаголом $qe-k_{we}-\check{s}'t$ *придет*, а его абсолютный аргумент – существительным $\check{c}ale$ *парень*. Что касается (1b), то здесь ситуация обратная: глагол $qe-k_{we}-\check{s}'t$ *придет* принимает показатель абсолютного падежа -r и становится аргументом предиката $\check{c}ale$ *парень*. Как видно из примеров, для того, чтобы выступать в качестве аргумента, глаголу $qe-k_{we}-\check{s}'t$ *придет* не требуется показателей номинализации; равным образом существительное $\check{c}ale$ *парень* может быть использовано как сказуемое без каких-либо фонетически выраженных предикативных элементов.

Однако нельзя сказать, что деление на лексические категории в адыгейском языке вовсе отсутствует. Скорее, оно выражается при помощи

иных средств, а именно, посредством ограничений, которые накладываются на слово, выступающее в непрототипической функции. Например, глагол, который находится в непрототипической для него позиции аргумента, подвергается некоторым ограничениям, которым не подвержены имена, находящиеся в той же позиции. Эти ограничения связаны прежде всего с необходимостью формального маркирования той функции, которая не является базовой для данной лексической категории. Разберем один пример, демонстрирующий такого рода ограничения.

В адыгейском языке падежные окончания синкретически выражают категорию определенности [9, с. 60]. Во многих случаях наличие падежных окончаний при имени выражает его определенный референтный статус, а их отсутствие, соответственно, передает значение неопределенности:

- (3) a. se qe-s-hə-к а we qə-b-к_wetə-ке-г
1SG DIR-1SG-приносить-PST тот 2SG DIR-2SG-найти-PST-ABS
Я принес (нечто конкретное), что ты нашел.
b. *se qe-s-hə-к а we qə-b-к_wetə-ке
1SG DIR-1SG-приносить-PST тот 2SG DIR-2SG-найти-PST
Я принес (что-то неопределенное), что ты нашел.

Таким образом, глагол в аргументной позиции подвергается ограничениям, связанным с обязательностью маркирования референтного статуса (подробнее об этом вопросе см. [12]). Аналогичное явление наблюдается также и в других языках с ослабленным противопоставлением основных лексических классов, например, вакашских (см. [13–14]), малагасийском (см. [15], [12]) и др.

Итак, мы видим, что как имя, так и глагол могут служить аргументом, но в этой ситуации они ведут себя по-разному. Однако неочевидно, чем именно следует объяснять разницу в их поведении. С одной стороны, возможно, что необходимость ограничений в примере (3b) вызвана тем, что семантика корня не позволяет глаголу вести себя как имя. С другой стороны, присутствие глагольных словоизменительных показателей также может влиять на способность выполнять именные функции, в частности служить причиной их ограничения.

Возникает вопрос: как устроено деление на основные лексические классы в адыгейском? Можно ли сказать, что это деление имеет место на уровне основы (как в большинстве индоевропейских языков, где выделяются глагольные и именные основы) и тогда является словоклассифицирующей категорией, или же оно представляет со-

- (2) a. se qe-s-hə-к qeкавə-г
1SG DIR-1SG-приносить-PST цветок-ABS
Я принес (этот, конкретный) цветок.
b. se qe-s-hə-к qeкавə
1SG DIR-1SG-приносить-PST цветок
Я принес (какой-то) цветок.

Как мы видим, значение определенности формально маркировано в адыгейском языке, поскольку выражается при помощи ненулевых показателей, в то время как значение неопределенности не маркировано. Имена, естественно, могут принимать оба этих значения. В то же время выясняется, что если глагол выполняет функцию аргумента, то его референтный статус обязательно должен быть маркирован. Употребление его с нулевыми средствами обозначения референциальности, такими, как опущение падежных аффиксов, неграмматично. В данном случае это означает, что аргумент, выраженный глаголом, всегда должен быть определенным:

бой в каком-то смысле словоизменительную категорию, будучи производным от структуры словоизменительной морфологии слова?

Чтобы попытаться ответить на данный вопрос, можно, например, рассмотреть ситуацию, встречающуюся в адыгейском языке, когда прототипически глагольные показатели (прежде всего аспектуально-временные, как, например, показатель имперфекта -š'tə.ке в примере (4a)) присоединяются к именной основе (см. пример (4b)):

- (4) a. k_we-š'tə.ке
идти-IPF
он ходил
b. deputatə-š'tə.ке-г
депутат-IPF-ABS
бывший депутат

Анализ таких конструкций позволит увидеть, в каких случаях принадлежность к лексической категории определяется структурой и семантикой основы слова, а в каких – наличием словоизменительных показателей. Если аргумент типа (4b) ведет себя как имя (при условии, что глаголы в аналогичном контексте ведут себя иначе), то это значит, что доминирующий фактор для отнесения слова к той или иной лексической категории в данном случае – частеречная характеристика ос-

новы слова. Если же такой аргумент копирует поведение глаголов, а не имен, то это связано с наличием аспектуально-темпоральных (прототипически глагольных) показателей. В реальности, как мы увидим ниже, в адыгейском имеет место и то, и другое. В связи с этим в настоящей работе мы проведем сравнение свойств имен с “глагольными” показателями, имен без таких показателей и глаголов, проявляемых в аргументной позиции. Для этого будут использованы следующие признаки:

- обязательность/факультативность маркирования референциального статуса;
- способность вести себя как относительное определение к вершине, выраженной существительным (поскольку в адыгейском языке в принципе вершина относительного оборота может быть выражена не только существительным, данное условие должно быть оговорено отдельно);
- способность вести себя как относительное определение к вершине, выраженной прилагательным (такая возможность в адыгейском также имеется);
- возможность выражения морфологической категории посессивности.

Кроме того, мы проанализируем, какие из этих признаков указывают на семантику и структуру основы слова как доминирующий фактор при определении лексической категории слова, а какие – на наличие словоизменительных показателей, и на основании полученных результатов попробуем сделать выводы о природе частеречного деления в адыгейском языке.

Рассмотрим по порядку сначала признаки, которые демонстрируют “именную” модель поведения имен с глагольными показателями. Поскольку в данном случае поведение слова в отношении лексического класса определяется его основой, то такие признаки следует интерпретировать в пользу того, что разбиение на лексические классы в адыгейском является словоклассифицирующей категорией. Затем будут перечислены признаки, связанные с их “глагольной” моделью поведения, которые, в свою очередь, свидетельствуют о том, что противопоставление по частям речи также отчасти имеет и “словоизменительный” характер.

2. ЧАСТИ РЕЧИ В АДЫГЕЙСКОМ – СЛОВОКЛАССИФИЦИРУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ?

Возможность выражения посессивности

Для глаголов в аргументной позиции существует ограничение, связанное с возможностью выражения категории посессивности. В адыгей-

ском посессивные показатели по форме совпадают с личными префиксами косвенного объекта¹:

- (5) a. qə-sje-tə-ve
DIR-1SG-дать-PST
он мне дал
b. sjə-səhat
1SG-часы
мои часы

Глаголы в аргументной позиции, в отличие от имен, не могут присоединять такие показатели в качестве посессивных (см. также [16]); при глаголе они могут быть использованы и, соответственно, проинтерпретированы только как личные префиксы, указывающие на его актанта, иначе предложение становится неграмматичным:

- (6) a. a čəje-re-r te tja-ha
тот спать-DYN-ABS 1PL 1PL-собака
Тот, кто спит, это наша собака.
b. *te tja-čəje-re-r ha
1PL 1PL-спать-DYN-ABS собака
(букв.) Наш кто спит, это собака.
(7) a. qe-b-_wetə-ve-r qe-sə-tə-ž'
INV-2SG-найти-PST-ABS INV-1SG-дать
То, что ты нашел, верни обратно.
b. *sjə-qe-b-_wetə-ve-r qe-sə-tə-ž'
1SG-INV-2SG-найти-PST-ABS INV-1SG-дать
То мое, что ты нашел, верни обратно.

Имена с глагольными показателями не подвергаются этому ограничению; они ведут себя в данном случае так же, как и обычные имена, т.е. выражение при них посессивности не вызывает неграмматичности:

- (8) a. tja-prezədentə-š'tə-r
1PL-президент-FUT-ABS
наш будущий президент
b. š_wjə-dep_wətətə-ve-r
2PL-депутат-PST-ABS
ваш бывший депутат

Способность вести себя как относительное определение к вершине, выраженной прилагательным

Еще одна ситуация, где имена с глагольными показателями проявляют свойства обычных имен, а не глаголов, связана с поведением модификаторов.

Глаголы в аргументной позиции могут быть модифицированы при помощи прилагательных, причем равно допустимы два типа конструкций:

¹ Несовпадение гласных в префиксах первого лица единственного числа -sje- и -sjE- в примерах (5a) и (5b) объясняется фонетическим чередованием, связанным с линейной позицией аффикса внутри словоформы.

- (9) a. qe-b- κ_w etə- κ_e daxe-r se qə-se- κ_e - $\lambda\kappa_w$
 INV-2SG-найти-PST красивый-ABS 1SG INV-1SG-CAUS-смотреть
 b. dax-ew qe-b- κ_w etə- κ_e -r se qə-se- κ_e - $\lambda\kappa_w$
 красивый-ADV INV-2SG-найти-PST-ABS 1SG INV-1SG-CAUS-смотреть
То красивое, что ты нашел, покажи мне.

В первом случае глагол qe-b- κ_w etə- κ_e (*то, что*) ты нашел выступает вершиной и ведет себя как существительное, которое присоединяет определение, выраженное прилагательным daxe *красивый*. Определение следует за определяе-

мым, а аффикс абсолютного падежа -r находится в конце группы. Здесь мы видим типичную для адыгейского модель комплекса “существительное + прилагательное”, такого же, как, например, səhat daxer *красивые часы* в примере (10):

- (10) səhat daxe-r se qə-se- κ_e - $\lambda\kappa_w$
 часы красивый-ABS 1SG INV-1SG-CAUS-смотреть
Красивые часы покажи мне.

В альтернативном варианте конструкции (9b), наоборот, вершиной выступает прилагательное daxe *красивый*, которое в данном случае ведет се-

бя как существительное и присоединяет относительный оборот qe-b- κ_w etə- κ_e (*то, что*) ты нашел:

- (11) dax-ew qe-b- κ_w etə- κ_e -r se qə-se- κ_e - $\lambda\kappa_w$
 красивый-ADV INV-2SG-найти-PST-ABS 1SG INV-1SG-CAUS-смотреть
То красивое, что ты нашел, покажи мне.

Эта конструкция имеет стандартную структуру адыгейского относительного оборота, где падежный показатель -r занимает позицию в абсо-

лютом конце группы, а вершина маркируется показателем адвербиалиса -ew, ср. пример (12):

- (12) səhat-ew qe-b- κ_w etə- κ_e -r se qə-se- κ_e - $\lambda\kappa_w$
 часы-ADV INV-2SG-найти-PST-ABS 1SG INV-1SG-CAUS-смотреть
Часы, которые ты нашел, покажи мне.

Что касается имен с глагольными показателями, то они также могут присоединять определения, однако при этом для них возможна только одна из двух конструкций, а точнее, та, где вершиной является имя с глагольным показателем, а не прилагательное:

- (13) tјə-dep κ_w etətə- κ_e hələlə-r
 1PL-депутат-PST щедрый-ABS
наш щедрый бывший депутат,

но

- (14) *hələlə-ew tјə-dep κ_w etətə- κ_e -r
 щедрый-ADV 1PL-депутат-PST-ABS
наш щедрый бывший депутат.

Чем объясняется неграмматичность примера (14)? Видимо, тем же, что вызывает неграмматичность примера (15):

- (15) *dax-ew səhatə-r
 красивый-ADV часы-ABS
букв. красивое, которое часы

Здесь задействован следующий фактор: по-видимому, прилагательное вообще не может быть вершиной при существительном. “Вес” существительного в иерархической структуре больше, чем у прилагательного, поэтому, хотя прилагательное в принципе может быть вершиной в такой конструкции (см. пример (11)), это невозможно в случае с зависимым-существительным, поскольку существительное имеет приоритет на позицию вершины. Именная основа в слове tјədep κ_w etətə κ_e r *наш бывший депутат*, как мы видим, также обеспечивает этот приоритет.

3. ЧАСТИ РЕЧИ В АДЫГЕЙСКОМ – СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ?

В некоторых отношениях имена с глагольными показателями копируют поведение глаголов, несмотря на именную основу. Рассмотрим следующие признаки: обязательность маркирования референциального статуса и способность вести

себя как относительное определение к существительному.

Обязательное маркирование референтного статуса

Как уже отмечалось выше, существует ограничение для глаголов в аргументной позиции, которое заключается в том, что для них обязательно маркирование референтного статуса. Для адыгейского,

поскольку маркирован только определенный референтный статус (напомним, что неопределенность в адыгейском выражается посредством отсутствия падежных аффиксов), это значит, что такой аргумент может быть только определенным.

Имена с глагольными показателями, находясь в аргументной позиции, обязаны маркировать свой референтный статус, так же, как глаголы и в отличие от имен:

- (16) а. $\check{\zeta}'eleje\check{\zeta}a\check{\zeta}e(-r)$ $qe-_{w}et$
учитель-ABS DIR-найти.IMP
Найди (какого-нибудь; конкретного) учителя!
б. $*\check{\zeta}'eleje\check{\zeta}a\check{\zeta}e-\check{s}'t\check{\alpha}$ $qe-_{w}et$
учитель-FUT DIR-найти.IMP
Найди (какого-нибудь) будущего учителя!
в. $\check{\zeta}'eleje\check{\zeta}a\check{\zeta}e-\check{s}'t\check{\alpha}-r$ $qe-_{w}et$
учитель-FUT-ABS DIR-найти.IMP
Найди (конкретного) будущего учителя! [16, р. 6]

Способность вести себя как относительное определение к вершине, выраженной существительным

Еще один признак, который отличает имена с глагольными показателями от обычных имен и сближает их с глаголами, это способность выступать в качестве релятивного определения к другому имени.

В адыгейском конструкции, где одно имя присоединяется к другому при помощи механизма релятивизации, неграмматичны:

- (17) $*p\check{q}\check{\alpha}_{w}-ew$ $s\check{\alpha}hat\check{\alpha}-r$ $qe-sje-t$
вещь-ADV часы-ABS INV-1SG-дать
(букв.) *Вещь, которая часы, дай мне.*

Выше мы говорили о том, что в группе, которая состоит из прилагательного и существительного, вершиной может быть только существительное, т.к. оно имеет приоритет на эту позицию. Однако возможно, что здесь участвует еще один фактор: не исключено, что существительное, по крайней мере в адыгейском, в принципе не может вести себя как (относительное) определение, в релятивной конструкции оно может быть только вершиной и ничем иным:

- (18) $*\check{\zeta}\check{\alpha}f-ew$ $tj\check{\alpha}-prezident\check{\alpha}-r$ $new\check{\alpha}\check{s}'$ $qe-k_{w}e-\check{s}'t$
человек-ADV 1PL-президент-ABS завтра INV-приходить-FUT
(букв.) *Человек, который наш президент, придет завтра.*

Если же к имени присоединить глагольный показатель, то тогда оно может вести себя как относительное определение к другому имени (неважно, с глагольными показателями вершина или без, см. примеры (19–20)). Имена с глагольными

показателями в данном случае демонстрируют “словоизменительную” модель поведения, так как они, несмотря на именную основу, обладают способностью глаголов присоединяться к имени в качестве относительного определения:

- (19) $\check{\zeta}\check{\alpha}f-ew$ $tj\check{\alpha}-prezident\check{\alpha}-\check{s}'t\check{\alpha}-r$ $new\check{\alpha}\check{s}'$ $qe-k_{w}e-\check{s}'t$
человек-ADV 1PL-президент-FUT-ABS завтра INV-приходить-FUT
Человек, который будет нашим президентом, придет завтра.

- (20) $tj\check{\alpha}-\check{\zeta}eleje\check{\zeta}a\check{\zeta}e-\check{s}'t-ew$ $\check{s}\check{\alpha}k_{w}e-\check{s}'t\check{\alpha}.ke-r$ $\check{\zeta}ele-dax$
1SG-учитель-FUT-ADV охотник-IPF-ABS парень-красивый
Наш будущий учитель, который раньше был охотником, красивый парень.

Таблица 1. Свойства имен с глагольными показателями, имен без глагольных показателей и глаголов

Критерии поведения лексических категорий в позиции аргумента	Имена	Имена с глагольными показателями	Глаголы
возможность выражения посессивности	+	+	–
способность вести себя как относительное определение к прилагательному	–	–	+
обязательное маркирование референтного статуса	–	+	+
способность вести себя как относительное определение к существительному	–	+	+

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В адыгейском, как и в некоторых других языках, функционирование в качестве аргумента не является исключительной прерогативой лексического класса имен. Аргументом с равным успехом может служить и глагол, не нуждаясь в каких-либо маркерах номинализации. Впрочем, поведение глагола в таком случае все же в некоторых отношениях отличается от именного, в частности, при глаголе в аргументной позиции обязательно маркирование референтности, а категория посессивности не может быть выражена. Выше был предложен анализ, имеющий целью выявить ответ на возникающий в данной ситуации вопрос: связаны ли отличия в поведении имен и глаголов с тем, что такое поведение определяется глагольной основой, которая имеет грамматические категориальные признаки, отличные от именных, или же с наличием в словоформе глагольных словоизменительных аффиксов (в данном случае временных показателей)? Иными словами, считать ли разбиение на лексические классы в адыгейском словоклассифицирующей или словоизменительной категорией? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, мы проанализировали определенный тип конструкции, встречающийся в адыгейском, в котором имя используется с прототипически глагольными показателями времени (при обозначении признака, имеющего временную отнесенность, например, бывший учитель). Выяснилось, что имена, которые присоединяют показатели времени, могут вести себя двояко с точки

зрения свойств основных лексических категорий: в некоторых отношениях они проявляют обычные именные свойства, как имена без таких показателей, в других же случаях копируют поведение глаголов. Исследуемые признаки и их значения приводятся в Таблице 1.

Как видно из таблицы, первые два из перечисленных признаков сближают поведение имен, присоединяющих глагольные показатели, с поведением обычных имен. Таким образом, значения признаков указывают на те свойства лексических категорий, которые являются производными от категориальных признаков основы слова. Именная основа в адыгейском устроена принципиально отлично от глагольной, поскольку наблюдаются грамматические свойства, которые, по-видимому, могут быть обусловлены только этим отличием. Собственно, именно так обычно и выглядит частеречное деление в языках средневропейского стандарта.

С другой стороны, значения остальных двух признаков отражают аналогии в свойствах имен с глагольными показателями и глаголов. Здесь, в свою очередь, обнаруживаются свойства, которые вызваны присутствием словоизменительной морфологии глагола. Получается, что некоторый блок частеречных свойств определяется не лексически (через корень плюс словообразовательные морфемы, как в подавляющем большинстве языков), а на уровне словоизменения, как если бы лексемы не имели никаких частеречных характеристик.

По-видимому, в адыгейском языке существует два независимых друг от друга, параллельных разбиения на лексические классы: одно – на уровне лексемы (по сути, представляющее собой привычное нам деление слов на части речи), другое – на уровне словоизменения. Первое намного менее заметно выражено, поскольку происходит в основном через ограничение возможностей в непрототипической позиции, не всегда очевидное для исследователя. Возможно, что это и объясняет видимость феномена “отсутствия частей речи”, который постулировался для многих языков типа адыгейского, где имена и глаголы могут выступать в функции и аргумента, и предиката (филиппинские, вакашские, салишские и др.).

СОКРАЩЕНИЯ

ABS абсолютный падеж,
ADV адвербиальный падеж,
CAUS каузатив,
DIR директив,
DYN показатель динамичности,
FUT будущее время,
IMP императив,

INV инверсив,
IPF имперфект,
PL множественное число,
PST прошедшее время,
SG единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hopper P., Thompson S.* The discourse basis for lexical categories in Universal Grammar // *Language*. 1984. № 60.
2. *Broschart J.* Noun, verb, and PARTICIPATION. A typology of the noun/verb-Distinction // *Partizipation. Das sprachliche Erfassen von Sachverhalten*. Ed. H. Seiler, W. Premper. Tübingen, 1991.
3. *Broschart J.* Why Tongan does it differently // *Linguistic Typology*. 1997. № 1.
4. *Croft W.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. Chicago, 1991.
5. *Hengeveld K.* Parts of speech // *Layered Structure and Reference in a Functional Perspective*. Ed. M. Fortescue, P. Harder, L. Kristofferson. Amsterdam, 1992.
6. *Sasse H.-J.* Syntactic categories and subcategories // *Syntax: An International Handbook of Contemporary Research*. Ed. J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, T. Vennemann. Berlin, 1993.
7. *Evans N., Osada T.* Mundari: The myth of a language without word classes // *Linguistic Typology*. 2005. № 9.
8. *Rijkhoff J.* The Noun Phrase. Oxford, 2002.
9. *Розава Г. В., Керашиева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Майкоп; Краснодар, 1966.
10. *Шагиров А.К.* Абхазо-адыгские языки // *Языки мира. Кавказские языки*. М., 1998.
11. *Smeets H.J.* Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden, 1984.
12. *Mikhina S.* Nouniness and Markedness. Тезисы, представленные на конференции МСКЛ 2008, Москва. <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/mscl/abstracts/mikhina.pdf>. 2008.
13. *Davidson M.* Studies in Southern Wakashan (Nootkan) grammar. PhD dissertation. 2002.
14. *Woo F.* Prepositional Predicates in Nuuchahnulth. Dissertation prospectus. 2005.
15. *Dahl O.C.* Focus in Malagasy and Proto-Austronesian. // *FOCAL I: Papers from the Fourth International Conference on Austronesian Linguistics*. Ed. P. Geraghty, L. Carrington, S. A. Wurm. Canberra, 1986.
16. *Lander Yu.A., Testeleys Ya.G.* Nouniness and Specificity: Circassian and Wakashan. Paper presented on Parts-of-Speech 2006, Amsterdam. 2006.